

НАША СТРАНА

Год издания—46-ой. Буэнос Айрес, суббота 23 октября 1993 "NUESTRO PAIS" Buenos Aires, sábado 23 de octubre de 1993 № 2255

Сергей Волков (Москва)

ЕСТЬ ЛИ В РОССИИ БЕЛЫЕ?

Известно, что национал-большевицкие вожди, заняв главенствующее положение в «патриотическом движении», более всего дорожат этой своей ролью, потому что она служит верной гарантией того, что в случае падения ельцинской власти развитие страны пойдет по пути возрождения не традиционной российской государственности, а советчины сталинского образца. Потому термин «национал-большевизм», точно характеризующий их сущность, очень им не нравится. Им хотелось бы выглядеть самим к коммунизму непричастными, а лишь «союзниками» коммунистов: тогда они как бы получают право «посредничать» между коммунистами и подлинными патриотами и, более того, объединять их под своим началом. Это и есть «генеральная линия» национал-большевизма.

Статья одного из ее идеологов — В. Бондаренко «Третий путь», появившаяся летом этого года в «Дне» принципиально ничем не отличается от публикуемых этой газетой: попытки представить нынешнюю компартию лишь как «партию порядка» (мы-то хорошо знаем, каков советский «порядок»), заявления о невозможности «перечеркнуть 75 лет русской истории» и «вернуться как не бывало к традиционным русским ценностям имперской России», предложения соединить коммунизм с православием и т. д. Когда национал-большевик говорит о необходимости «разъединиться с прокоммунистическими силами, оставаясь союзниками», это, конечно, для антикоммуниста смешно, но в свете изложенного выше — понятно. Ибо «третий путь» Бондаренко — это и есть национал-большевизм, но в таком виде выступающий как единственно возможный путь развития России. И когда тот же автор рассуждает, что коммунизм возник как «противостояние мировой закулисе», это не следует списывать на невежество и «кашу в голове» национал-большевиков. Они хорошо понимают, что и зачем они пишут.

Однако подлинный «третий путь» в нынешних условиях — это не национал-большевизм, а как раз возвращение к тем самым «традиционным русским ценностям имперской России», которые отстаивают люди, считающие себя белыми и вернуться к которым В. Бондаренко не находит «возможным» (а мы скажем точнее — не считает желательным). В то время как два других — советчина «вестернизированная» и советчина «национализированная».

Понятно, что национал-большевизм может светить маяком «третьего пути» только в том случае, если нет подлинных. Ах, как хочется апологетам советчины, чтобы их не было! Ради этого не грех и выдать желаемое за реальное: авось поверят. Не случайно, что статья Бондаренко начинается именно с этого — с заявления, что никаких «белых» нет и быть не может. Ну, нет таких — ни в России, ни в эмиграции — и все тут! Относительно эмиграции он с примерами затруднился, а для «разоблачения» российских белых выбрал меня (что даже лестно, так как что не говори, означает призна-

ние моих заслуг пропаганде в белой идеологии со стороны ее врагов, а такое признание — самое ценное). Было написано, между прочим, что я — старый кадр брежневской гуманитарной элиты, всю жизнь преподававший марксизм-ленинизм и сдававший какие-то «партминимумы» (что это такое, В. Бондаренко — коммунист с 20-летним стажем уж наверное лучше знает), а вовсе не молод (доктор наук, оказывается!), как Бондаренко-де «думал». Вот, стало быть, чем я занимался, пока мой «сверстник», «поседевший в патриотических боях» Бондаренко с сотоварищи «русифицировал» коммунистическую идеологию.

Будь под статьей другая подпись, можно было бы только посмеяться, что национал-большевицкий идеолог, введенный в заблуждение моей докторской степенью (ее в гуманитарных науках действительно получают в среднем после 50 лет; я почти стал самым молодым в Совдепии доктором исторических наук, защитившись в 34 года), принял меня за себе подобного. Дело, однако, в том, что Бондаренко знает меня лично и «думать» ничего не мог. Надо было дискредитировать зарождающееся в России белое движение — любыми методами.

Допускаю, однако, что В. Бондаренко от всей души хотел бы, чтобы я был таким, как он изобразил, а не таким, какой я есть. Потому что в этой «ошибке» заключается, по большому счету, пожалуй, самая главная опасность для таких, как он «товарищей». Я-таки действительно на много моложе Бондаренко, и еще учился в школе, а не преподавал марксизм, когда он вступал в КПСС. Я принадлежу к поколению, которому не в чем теперь оправдываться, не за что каяться по части поддержки советского режима, нечего стесняться в своем «политическом прошлом». Ни в одной своей статье, ни единым словом не одобрил я Совдепию и, в отличие от Бондаренко и Ко, мне не стыдно ни за одну опубликованную работу (поскольку даже в студенческих статьях избегал «дежурных» расшаркиваний перед советской властью). Им бы хотелось, конечно, чтобы все, подобно им, по горло были бы запачканы советчиной — тогда и критиковать их не так легко. Но мне, к счастью, это легко, мне не надо было «прозревать».

Дело, понятно, совсем не во мне лично. Дело именно в поколении: я,

слава Богу, не единственный, кто может в России с чистой совестью назвать себя белым и с презрением отвергнуть притязания красных на роль спасителей России. Белое дело рано или поздно победит в России еще и потому, что его сторонники — в целом наиболее молодое движение в стране. Не только отдельные люди, но и целые организации, отвергающие напрочь советчину, принадлежат нашему поколению (20-30-летних). Мы не «русифицировали» коммунизм, мы не пытались «улучшить» его и «приспособить» для нужд России — мы просто ненавидели и отвергали его, а если не имели возможности излагать свои взгляды, то молчали, а не выискивали «патриотизм» в советчине и не восхваляли партийных бонз, изволивших обронить пару «патриотических» фраз. Имея против себя и антирусские «демократические» власти, и «русифицированных» коммунистов — всю многоликую советчину, мы все-таки существуем, какое бы неудовольствие не доставляли тем самым газете «День».

Напрасно, кстати, национал-большевики пытаются «непризнавать» за белых и людей старшего поколения. К несчастью для красных, далеко не все его представители запятнали себя сотрудничеством с советским режимом и пропагандой его идеологии. Можно было и в Совдепии жить достойно, и многим из тех, кто считает себя белым, вполне возможно говорить о «чистоте своих риз», что так раздражает руководителей «Дня». Потому что единственное, чем может белый по убеждениям человек запятнать свои ризы — так это поддержкой КПСС и советского строя.

Да и, в конце-то концов, дело ведь не в «чистоте риз» и вообще не в прошлом, а — в настоящем. В сегодняшней позиции, которую занимает человек любого происхождения и любого воспитания. Как в свое время в рядах белых армий мужественно и до конца сражались многие из бывших насильно мобилизованных красноармейцев, так и сейчас каждый из нас — жителей Совдепии, с рождения «мобилизованных» коммунистическим режимом и прошедших его школу, делает свой выбор. И вправе этот выбор делать, хотя бы ему доводилось в свое время верой и правдой служить коммунистам. Лишь бы он только действительно выбирал Белое Дело — вполне сознательно и

искренне. И кто же тогда и почему посмеет отрицать, что такой человек — белый?

Что уж тут темнить, да играть словами «белый-красный», что придираться к терминам? Скажем четко и ясно: есть люди, ратующие за Великую, Единую и Неделимую Россию и при этом начисто отвергающие все и всякие проявления советчины, ненавидящие любые формы и виды коммунистической идеологии. Есть такие люди? Есть! И мы называем себя белыми. А есть люди, норовящие восстановить СССР и соединить правослаvie с коммунизмом, рожденный трижды проклятым «Октябрем» советский режим — с национальными традициями, не желающие расставаться с наследием ленинской банды и считающие при этом Сталина «величайшим антикоммунистом». И мы называем их красными. Что изменится, если кому-то не нравятся эти слова — «белый», «красный»? Есть одни — и есть другие. А не будь этой разницы — «Дню» и злобствовать не было бы нужды. Так-то вот...

А разве «наша брань против плоти и крови»? Вовсе нет. Мне ненавистны коммунизм и советчина, но я с радостью протяну руку любому, кто от них откажется — хоть Проханову, хоть тому же Бондаренко, превратись они на деле в таких же белых — непримиримых антикоммунистов, предай они проклятию все наследие советского режима и его защитников и признай возвращение к дореволюционным ценностям единственно возможным путем. Но не хотят же, предпочитают коммунизм русифицировать...

Кстати, о «русификации». В свое время известный польский антикоммунист Ю. Мацкевич высмеивал соотечественников, провозгласивших лозунг «Если уж нам быть коммунистами — будем польскими коммунистами!», указывая, что коммунизму, как явлению по самой сути своей интернациональному, только того и нужно, чтобы каждый народ славил его по-своему, на своем языке. Только так он и мог надеяться победить во всемирном масштабе — проникая в поры каждого национального организма и разлагая его изнутри. И действительно, в том же и суть советской культуры. Ну-ка, вспомним, какой должна быть культура советских народов? Напомню: «национальной по форме, социалистической по содержанию». Это и есть коммунизм «с русским лицом». Это-то и есть «русификация» коммунизма. И вот то, что было, можно сказать, заветной целью партийных программ, объявляется В. Бондаренко патриотической заслугой советских писателей. Видит Бог, неодобрял я их за поддержку коммунистического режима, но в «русификации» марксизма не обвинял (по-моему, этим занимались все-таки другие люди). Но, коль скоро, сами они признаются с легкой руки руководства «Дня» в оказании такой первостепенной услуги коммунизму, то я, пожалуй, был к ним еще слишком снисходителен.

НАЦИИ НЕДЕЛИМЫ

Установлением в Ялте в конце Второй Мировой войны тогдашнего «мирового порядка» были расколоты и расщеплены ряд национальных государств. В Китае и в Корее продолжают и сегодня существовать два государства. Во Вьетнаме было достигнуто единство под гегемонией коммунизма после многолетней кровавой международной войны. Германии же удалось восстановить свое единство в свободе после 45-летнего расщепления. 3 октября 1990 года вошло в законную силу объединение обеих частей Германии. С тех пор этот день празднуется в Германии как день объединения и единства. Президент Германии Рихард фон Вейцзеккер заявил в 1989 году: «Я считаю, что мы являемся одной нацией. Что принадлежит друг другу, снова срастется». В Германии общество и правительство всегда считали, что Германия неделима: Deutschland ist unteilbar. Как и все русские считают, что Россия неделима.

Н. Ф.

Сергей Волков

Владимир Рудинский

УДАЧНЫЙ ВЫБОР

С большой радостью узнал я о возведении в епископский сан отца Игоря Дулгова, служившего в Лионе в Святоиколаевском соборе.

Именно такие люди нужны, на командных постах, нашей Зарубежной Церкви, чтобы выполнять с успехом ее важную и нелегкую миссию: умные, высококультурные и высокопорядочные.

С отцом Игорем мы были когда-то близкими друзьями; правда, в ту эпоху, когда он был еще для меня просто Игорем, а вообще-то, Игорем Александровичем Дулговым, студентом Богословского Института на Сергиевском Подворье в Париже, а в недавнем еще прошлом — учеником Кадетского Корпуса в Версале.

Потом я на долгие годы утратил с ним связь, — от Парижа до Лиона далеко, как и до Канн, где он подвизался раньше.

Как факт, наше с ним знакомство датировалось первыми годами после той Второй Мировой войны, той эпохой, о которой он вспоминает в своем слове в день его хиротонии в Женеве, 19 сентября сего года, в таких выражениях:

„Большим событием в моей жизни (конечно, и не только в моей) была встреча, во время последней войны, с русским народом... Я полностью тогда видел любого русского как своего: он как я, я как он... И это тоже мне не забыть. Может быть это была эпоха счастливейшая в моей жизни, ибо тогда была эпоха каких-то надежд и упований...“

Лишь недавно у нас с ним возобновилась переписка.

Благодаря ей, мне удалось прочесть его кандидатское сочинение, написанное еще в 1950 году, при окончании Богословского Института, он же Духовная Академия, на улице Крима, „Учение о падших ангелах“.

Я был поражен и захвачен глу-

биной мысли и жгучей актуальностью темы, включающей вопрос о роли Дьявола в истории человечества. Как жаль, что такая работа существует только в рукописи! Ее бы, несомненно, с огромным интересом прочла широкая публика, и у нас, за рубежом, и еще больше в России.

Между прочим (хочу надеяться, что автор извинит мне нескромность, с какой я цитирую его произведение) опираясь на нее, я могу теперь ответить на вопрос, недавно заданный в печати Н. Кусаковым.

Возможно, что Бодлер повторил мысль о том, что Сатана предпочитает, чтобы люди в него не верили; но как указывает отец Игорь (с большой эрудицией использовавший различные материалы по своей теме), впервые-то она была высказана католическим богословом Ксавье де Равиньяном, родом из Байонны (1795-1858).

И вот как она звучит в подлиннике (Кусаков как раз интересовался ее точной формой, и просил читателей, кто сможет, о ней сообщить): „Le chef-d'oeuvre de Satan est de s'être fait nier par son siècle“.

Хочется надеяться, что исследование, посвященное исключительно интересным проблемам ангелологии и демонологии, почти вовсе не разработанным поныне на русском языке, станет со временем доступно желающим.

Кроме того, отец Игорь проявил себя как издатель чрезвычайно ценного журнала, освещающего деятельность Российской Православной Церкви Заграницей.

Возвращаясь к его речи при хиротонии, приведу оттуда еще весьма трезвую оценку вопроса об отношениях между Зарубежной Церковью и Московской Патриархией:

„За всю историю России, Церковь наша всегда была основой всей жизни, упованием и учителем

народа. Кормилом, пестуном, мерилом совести... То же самое было и с зарубежной частью этой Церкви, — нашей. Всем известно, какую роль она играла в эмиграции, как в больших центрах, так и в глубине провинции. Выполняет ли официальная Церковь в России ту же роль, как должна была бы выполнять она, будь она истинной? Конечно нет. Можно твердо установить, что Московская Патриархия не способна на это. Вести свою паству она не может. Она лишь жалко плетется вслед за ней и вынуждена проявлять какое-то требование, либо проявлять желаемую деятельность, либо делать непривычные для нее уступки народному чаянию“.

И далее делается вывод, что лучшая помощь Патриархии заключается в самом существовании Зарубежной Церкви: „Ибо она все время вынуждена считаться с нами, оглядываться на нас и то ли копировать нас или сдерживать себя, сокращать степень своих беззаконий из опасения реакции с нашей стороны“.

В своем новом сане, как епископ Серафим Лесненский, мы уверены, новый архиерей принесет много пользы Зарубежной Церкви, а через то и эмиграции, и России. Пожелаем ему успехов на этом поприще!

Было бы, может быть, лучше, если бы он был выдвинут на свой пост раньше; но время не ушло. По истине, к положению нашей Церкви можно применить фразу: „Дела много, а делателей мало“. Слава Богу, что есть еще такие способные, энергичные и одаренные делатели как Владыка Серафим!

Владимир Рудинский

Редакция „Нашей Страны“ чрезвычайно рада хиротонии своего постоянного сотрудника и сыновне поздравляет Владыку Серафима.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ КАЛЕЙДОСКОП

Германский Конституционный Суд утвердил на прошлой неделе договор о Европейском Союзе, выработанный в свое время 12-ю странами Европейского Содружества в голландском городке Маастрихт. Этот договор о превращении содружества независимых европейских государств в союз, лансированный одновременно с превращением нашей страны из формального „союза“ в „содружество независимых государств“, был уже утвержден во всех остальных странах, иногда путем плебисцита. В Германии, окончательное утверждение договора было предоставлено на решение Конституционного Суда, который решает подобного рода вопросы учитывая высшие интересы страны, а не только чисто формальные предписания. (Например, Суд разрешил немецкому правительству посылать за границу немецкие военные части, для участия в международных военных операциях Объединенных Наций, несмотря на конституционное запрещение граничных военных интервенций). В случае Маастрихтского Договора, Суд его утвердил, несмотря на очевидное нарушение этим договором конституционных предписаний о немецкой денежной системе. Однако, Суд обусловил свое утверждение рядом ограничений, выраженных широко и даже несколько туманно, например о том, что „граждане должны быть деятелями а не пассивными персонажами в интегрировании двенадцати стран в многонациональном конгломерате“.

К сожалению, граждане в нашей стране обречены с февраля 1917 года быть пассивными зрителями всех конституционных махинаций и мистификаций творимых за их спиной. Даже однозначные результаты так называемого референдума о сохранении единства нашей страны были цинично игнорированы. Именно это презрение к народной воле и является коренной причиной всех кровавых трагедий в нашей стране (и в других странах).

„Новый мировой порядок“ является порядком принципиальных асимметрий. Например, грузины имеют право отделяться от России, но осетины и абхазцы не имеют права отделяться от Грузии. Вообще, все народы входившие веками мирно в состав Российской Державы имеют право отделяться, но русские, оказавшиеся отделенными искусственными коммунистическими административными границами, не только не имеют право отделяться ни от кого, но и должны пассивно терпеть грубые нарушения своих гражданских и человеческих прав. Хорваты и мусульмане (последние являются смесью насильно поселенных в славянских городах турок и насильно потуреченных славян) имеют право выходить из состава многонационального государства с относительным православным большинством, но православные (да и католики хорваты) не имеют права выходить из многонационального искусственного псевдогосударственного образования с мусульманским „правительством“, поспешно признанным „великими мира сего“. (В том числе и Ватиканом, даже провозгласившим устами самого Папы существование нового мифического „народа Боснии“). Германия в этом месяце торжественно отмечала день своего объединения, как свой национальный праздник. В Великороссии (сегодня „РФ“) же муссируются издевательские проекты возвести в ранг официального „праздника“ т. н. „день суверенитета“ (то есть раскола России).

П. Н.

ПЕЧАТЬ

ОСМАНСКОЕ ИГО

С изумлением читаем, в „Гранях“ № 169, в рецензии Ю. Цурганова на книгу М. Раева „Понять дореволюционную Россию“, такую фразу:

„Однако Испания тоже пережила кризис в период османского ига и в последовавший за ним период инквизиции“.

Глазам своим не верим! Какое же „османское иго“ в Испании? Если автор имеет в виду завоевание Пиренейского Полуострова арабами, то это было мавританское иго, арабское иго, мусульманское иго, — но уж никак не турецкое! Или он хотел сказать, что Испания пострадала от захвата турками восточной Европы? Так непонятно, отчего. И притом, падение Константинополя произошло более или менее одновременно со введением инквизиции, а не задолго до него, как вытекает вроде бы из слов Цурганова.

Не знаем, хорошо ли он понимает дореволюционную Россию (как и то, понимает ли М. Раев...) но вот в истории Испании он определенно не понимает ничего!

Он ее видимо путает с Болгарией или Сербией.

Зачем же тогда он о ней пишет, — и где же глаза у редакции „Граней“?

Воспользуемся случаем выразить свое неодобрение теперешнему словечку „османский“. Испокон в русском языке бытовали термины оттоманская Порта, оттоманское владычество и т. п. Зачем же их изме-

нить? Просто по принципу, что все старое плохо, а новое (хотя бы и не очень грамотное...) всегда лучше? Большевики-то да: они так и смотрели. Но обязательно ли „Граням“, в наши дни, их правила соблюдать?

О КАЧЕСТВЕ ПЕРЕВОДОВ

В том же номере, в повести „Экстерриториальность“, А. Окулов нас информирует: „После революции в России повысилось качество переводов иностранной литературы. Даже сегодня это чувствуется“. И добавляет: „Когда наступило время отвечать за написанное не только перед читателем, но и перед „критиками в штатском“, много талантливых людей ушли в переводчики“.

Это было бы верно в отношении 20-х годов. Тогда масса интеллигенции жила переводами, тогда „бывшие люди“, знавшие отлично по несколько иностранных языков и владевшие хорошо русским языком, принуждены были заниматься переводами как средством существования.

Но шло систематическое уничтожение старой интеллигенции. С начала 30-х годов ее стали вытеснять выдвигенцы новой выпечки.

И вот, к настоящему времени, вопреки искреннему вероятно впечатлению Окулова, — качество переводов чудовищно понизилось...

Просто тяжело и грустно читать западную литературу в теперешних советских переводах! За редкими отрядами исключениями, которые бы можно буквально по пальцам перечесть...

СПОРЫ О К. Н. ЛЕОНТЬЕВЕ

Там же помещена статья В. Сендерова „Как лгут о Константине Леон-

тьеве“. Она, конечно, на куда более высоком уровне, чем сочинения на ту же тему, то есть о Леонтьеве, советского интеллигента С. Носова, о коем мы недавно имели случай говорить.

Но во всем ли можно согласиться с Сендеровым? Вот он горячо спорит с Т. Глушковой за ее предисловие к изданному в России сейчас сборнику произведений Леонтьева. И при этом цитирует такие ее слова:

„Византизм — это царь плюс церковь, — просто и кратко определил однажды Леонтьев. То есть — монархия, одухотворенная православием, которое обеспечивает ей высший смысл, высшее единство. Монархия, в которую церковь вносит высшее организующее начало — духовно организующее, дисциплинирующее“.

Вроде бы, не так и плохо?

Сендеров отвечает Глушковой, что нет мол, по Леонтьеву „византизм — это православие плюс царь“. Допустим, что даже и так. Но ведь известно, что от перестановки слагаемых сумма не изменяется!

Приведем еще другую цитату из Леонтьева, даваемую тут же Сендером: „Кто радикал отъявленный, то есть разрушитель, тот пусть любит чистую племенную национальную идею, ибо она есть лишь частное видоизменение космополитической разрушительной идеи“.

Не в бровь, а прямо в глаз нынешним поклонникам этнически чисто славянской России!

Удивляешься, как метко Константин Николаевич сумел предвидеть, разгадать и определить их роль!

В. Р.

М. Назаров

УРОКИ БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ

(Продолжение. См. № 2254)

Кто-то может задать тут резонный вопрос: как же все-таки эта капиталистическая помощь совмещалась с антикапиталистической программой коммунизма и с намерением Ленина повесить капиталистов на той "веревке", которую они сами для этого дают?

Это разногласие "сильные мира сего" надеялись преодолеть в рамках своей долгосрочной глобальной стратегии. Так, профессор Саттон пишет, что в начале XX века возник так называемый "план Марбурга, финансировавшийся из огромного наследства Андро Карнеги". Это была "программа захвата власти", состоявшая в том, что "Карнеги с его неограниченным богатством, международными финансистами и социальными будораженными в одно движение". "Правительства всего мира, в соответствии с планом Марбурга, должны были социализированы, но верховная власть должна оставаться в руках международных финансистов "чтобы контролировать верховные органы и, навязав мир, создать панацею от всех политических болезней человечества" (51)

"Эта идея была связана с другими элементами и схожими целями. Лорд Мильнер в Англии дает пример трансатлантических банковских интересов, признавая добродетели и возможности марксизма. Мильнер был банкиром, влиятельным в проведении британской военной политики, и с промарксистскими симпатиями (52).

"Из этого невероятного посева выросло современное интернационалистское движение, включающее в себя не только финансистов Карнеги, Пауля Варбурга, Отто Кана, Бернарда Баруха и Герберта Гувера, но также и Карнеги Фондейшен и его потомство "Международное примирение". Доверительными партнерами Карнеги были... видные лица из Америкэн Интернэйшэнэл Корпорейшен (53), которая была создана для ведения торговли с Советской Россией, — пишет Саттон. Разумеется, отношение этих финансовых кругов к большевизму не было единственной политической доктриной в западном мире, но имея в своих руках такой мощный инстру-

мент, как финансы, им удавалось оказывать решающее закулисное давление на свои правительства. Так, президент США "Вудро Вильсон подпал под мощное влияние — и действительно задолжал финансам — этой группе интернационалистов. Как писал Дженнингс Уайз, "Историки никогда не должны забывать, что Вудро Вильсон... обеспечил Троцкому возвращение в Россию с американским паспортом" (54), — напоминает Саттон.

Для иллюстрации возможного совмещения этой идеологии с коммунистической приведем несколько цитат из "Коммунистического манифеста" Маркса-Энгельса: "Законы, мораль, религия — все это... не более как буржуазные предрассудки...". Это относилось и к понятию национальности: "рабочие не имеют отечества... Национальная обособленность и противоположности народов все более исчезают уже с развитием буржуазии, со свободой торговли, всемирным рынком, с единообразием промышленного производства и соответствующих ему условий жизни" (55). Здесь заметна сходная интернационалистическая цель объединения мира под одним правительством (сейчас ее называют мондиализмом); разница лишь в том, что капиталисты предназначали в мировые правители себя, а коммунисты — себя...

Отношение же к "реакционной" православной России у тех и других было одинаково; Ленин лишь использовал другие термины: "Лозунг национальной культуры есть буржуазный (а часто и черносотенно-клерикальный) обман... Пролетариат же не только не берется отстоять национальное развитие каждой нации, а напротив... приветствует всякую ассимиляцию наций... Он поддерживает... все, ведущее к слиянию наций". "Может великорусский марксист принять лозунг национальной великорусской культуры? Нет... Наше дело — бороться с господствующей, черносотенной и буржуазной национальной культурой великороссов..." (56).

Что же касается последующей "холодной войны" между коммунизмом и капитализмом, происходившей на наших глазах, то она началась лишь в конце 1940-х годов — постольку, поскольку коммунизм в

России, особенно после реабилитации русского патриотизма в годы Второй Мировой войны, подвергся мутации и все больше переставал быть послушным, слабым, интернационалистическим. "Сильные мира сего" увидели, что недооценили ни агрессивного глобального потенциала коммунистической идеологии, ни особенностей России, которую оказалось "легче убить, чем поглотить". Началось противостояние Запада не только коммунизму, но вместе с ним и исторической России, что американцы выразили в "Законе о порабощенных нациях" (1959), определив своего врага как "русский коммунизм". Разногласия же с коммунистической идеологией у них и в этот период не были принципиально несовместимыми, поэтому в описанных финансовых кругах прежние надежды подспудно оставались (вспомним активность А. Хаммера и "теорию конвергенции").

Во всяком случае, ситуация была очевидна для 1920-х годов: "Большевики и банкиры имеют одну значительную общую причину — интернационализм. Революция и финансовый интернационал вовсе не противостоят друг другу, если результат революции заключается в достижении более централизованной власти. Международные финансисты предпочитают иметь дело с централизованными правительствами. Менее всего сообщество банкиров хочет пустить экономику на самотек и децентрализовать власть, ибо это привело бы к распаду власти" (57).

На фоне этих выводов профессора Саттона и приведенных им документальных фактов понятно, что не только теорией были соответствующие высказывания русских религиозных философов, как, например, В. Н. Ильина:

"Совершенно нецелесообразным представляется... противопоставление революции капитализму и буржуазному строю. Так как, золотой телец, "мамона" — финансовый капитал, есть тоже представитель идеи чистой власти, то отсюда связь революции с "мамной" несмотря на видимость борьбы. В сущности, нужно говорить так: и революция и мамона являются двумя ликами одной и той же идеи чистой власти, ее феноменологией... Теперь

совершенно ясно, почему современная буржуазия, капитализм и масонство так тесно связаны с лондонской революцией, почему они это лондон поддерживают и питают... (58)".

Вывод, который можно сделать на основании этих фактов: подлинная история XX века еще не написана. Ибо ни одна из сторон — ни Запад, ни СССР — каждая по своим причинам, не была заинтересована в истине. Проблема и сейчас табуируется "сильными мира сего", которые не изменились. Саттон пишет: "Эти цели живы и сегодня. Джон Д. Рокфеллер излагает их в своей книге "Вторая американская революция", на титульном листе которой красуется пятиконечная звезда" (59)

После крушения коммунистической системы шансы для финансово-политического объединения мира стали реальны. Американское правительство открыто провозгласило идеологию "Нового мирового порядка" — Pax Americana — то есть осуществление все тех же целей "мировых благодетелей..." Усиление их активности мы видим на примерах превентивно-провоцированной войны против Ирака, блокады и дезинформации против православной Сербии, наконец, в активном вмешательстве в России, где у власти в 1991 году были поставлены неофеодалистские силы, форсирующие прозападные реформы, назначение которых — создать в России атомизированное и бездуховное общество, которое обеспечило бы контроль над ним мировой финансовой олигархии.

(Продолжение следует)

М. Назаров

51) Ibid. P. 175.

52) Ibid. P. 175.

53) Ibid. P. 175.

54) Ibid. P. 175-176.

55) Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии. Москва. 1951. Стр. 44, 53.

56) Ленин В. ПСС (5-е изд.). Москва. 1961. Т. 24. Стр. 120-122, 133.

57) Sutton A. Wall Street... P. 176.

58) Ильин В. Религия революции и гибель культуры. Париж. 1987. Стр. 11-12.

59) Sutton A. Wall Street... P. 176.

Трибуна Читателя

А. В. СИДЕЛЬНИКОВ

Пятого октября был смертельно ранен Александр Васильевич Сидельников, русский православный патриот и монархист, кинорежиссер, активный член ассоциации исследователей бездомности и безработицы. Доставленный в больницу, не приходя в сознание, он скончался. Очевидцы сообщают из Москвы, что больницы переполнены ранеными, и что обнародованное число убитых сильно занижено. Снайперы стреляли в демонстрацию выборочно (говорят, что даже с крыши американского посольства?) — главным образом по журналистам и обладателям фото- и видеокамер.

Также солдаты были и в толпе демонстрантов, получая устные инструкции "кого взять на мушкет" от тут же находившихся офицеров. На вопрос солдата "когда стрелять", офицер ответил: "когда начнется". Пресса старательно доказывает, что борьба идет с коммунистами, замалчивая, что народ видит истинный облик коммунистов в антинациональном и анти-

народном правительстве Ельцина. "Свобода", им данная, есть свобода словоблудия и свобода от закона, на руку любым преступникам — политическим, экономическим и уголовным; в то время как истинное предпринимательство — производительное — удушается на корню непомерными налогами и любыми препятствиями.

Александр Васильевич Сидельников, как и его супруга Валентина Ивановна Гуркаленко известны русской колонии в Аргентине с 1991 года, когда они снимали в Буэнос Айресе фильм "Вологодский романс" с участием Наталии

Калиняк, Виктора Трофимова и Александра Севрюгина.

С. Иванова (Аргентина)

ЗА "ПЕТРОГРАД"

Я согласен с Н. Кусаковым касательно возвращения Ленинграду его законного исторического имени.

Во-первых, название "Петербург" категорически немецкое, перевод петровского "Питербурха". Назвав город Петроградом, вернули русское имя столице русского государства.

Если стихотворцы употребляли слово "Петроград" хотя бы только ради рифмы, то это только говорит в пользу этого названия.

Пятого октября с. г. скончался от ран, полученных у "Белого Дома" в Москве русский православный патриот-монархист, кинорежиссер

АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ СИДЕЛЬНИКОВ

о чем с прискорбием сообщают его аргентинские друзья и выражают искреннее соболезнование вдове Валентине Ивановне Гуркаленко и его детям.

В 40-й день, 13 ноября с. г. в Кафедральном соборе Воскресения Христова после всенощной будет отслужена панихида.

(Кстати, когда город переименовали в Ленинград, что было весьма нелепо и обидно для русского народа, сразу появился едкий анекдот, согласно которому не Петрополь, а Крыжополь следовало переименовать заменив именем Ленина первый слог названия этого городка).

Я также советую не отнимать у жителей бывшей русской столицы право величать свой город любовным и кокетливым "Питер" — уменьшительной формы его русского имени Петроград.

Петр Корженевский (Аргентина)

ДИСЦИПЛИНИРОВАННОСТЬ

Мне нравится дисциплинированность вашей газеты.

По моему мнению монархия на Руси будет восстановлена только национальной диктатурой. Эмблеме диктатура должна взять царскую. Наживем врага в лице демократической Америки, но спасем нацию, свое лицо. А враги русских тогда перекочат из России в США.

Владимир Перескоков (США)

"ВСЕНАРОДНЫЕ ВЫБОРЫ" НЕВОЗМОЖНЫ БЕЗ УЧАСТИЯ ПАТРИОТИЧЕСКОЙ ОППОЗИЦИИ

Обращение группы русской эмиграции

Уже стало правилом, что в результате очередной „победы демократии“ в России начинается очередное силовое давление победителей на русское патриотическое движение. В связи с этим мы считаем себя обязанными выступить в его защиту со следующим заявлением.

Не только парламент, но и президент Российской Федерации были избраны еще при власти КПСС, когда народ не имел подлинного выбора из всего спектра политических сил. Свою нелегитимность обе ветви власти подтвердили, совместно узаконив „национальным праздником“ день преступного коммунистического переворота 7 ноября 1917 года и сохранив над Кремлем красные звезды. И в апрельском референдуме 1993 года народу предлагался выбор лишь между этими двумя наследниками послеоктябрьской эпохи, без учета других политических сил.

Поэтому мы считаем, что ни одна из этих властных структур в возникшем между ними конфликте не имела легитимного преимущества перед другой. Это значит, что и победители не имели права запрещать, загонять в угол — провоцируя сопротивление, и расстреливать оппозицию (очень разную по составу) от имени народа России.

Конечно, мы не согласны с коммунистическими и экстремистскими идеями некоторых оппозиционных групп. Мы не раз подчеркивали, что они лишь компрометируют патриотическое движение. Но надо понять, что и у патриотов-антикоммунистов, у всего народа есть достаточно оправданных причин для неприятия как некомпетентных реформ правительства, так и его унижительной внешней политики, узаконившей искусственные большевистские границы и оставившей за ними 25 миллионов россиян. Даже у многих бывших (августовских) сторонников Ельцина (они были и в расстрелянном парламенте) вызывает отталкивание циничная идеология реформ в духе освященного эгоизма, моральная распушенность средств информации, сращение структур власти с мафией. Неприятие в народе всех этих „демократических достижений“ не отменить репрессиями. Репрессии лишь больше подрывают доверие к такой власти.

Мы сознаем, что в переходный период не всегда уместны максималистские требования. Но и бывший член коммунистического Политбюро, разрушитель Ипатьевского дома, должен осознать неуместность своей роли карающего судьи — в том числе по отношению к своим бывшим, обманутым, рядовым подчиненным в компартии. Он должен понять и то, что до пресловутого „всемирного избрания“ ему далеко: на апрельском референдуме, даже при своей информационной монополии и беспрецедентном вмешательстве Запада, президенту удалось собрать голоса лишь около трети списочного состава избирателей. А если бы могли проголосовать брошенные им миллионы россиян в так называемом „ближнем зарубежье“?

Тем более мы считаем незаконным, когда такая власть, опираясь на дивизию „им. Дзержинского“ (!), под предлогом запрещения „коммунистическо-фашистских организаций **закрывает даже антикоммунистические оппозиционные издания**: широко известные в русской эмиграции — орган Союза писателей „Литературная Россия“, монархический „Русский Вестник“, христианско-демократический „Путь“, православно-исторический „Северо-Восток“ и многие другие.

Это значит, что и **следующие выборы в российские органы власти не могут быть признаны свободными и легитимными** — учитывая контроль правительства и космополитической „образованщины“ над средствами информации. Нелегитимность же выборов приведет к углублению конфронтации внутри общества. Это мнение высказывают даже политические круги западных стран, считая, что должны быть вновь разрешены **все запрещенные сейчас органы печати**.

Мы особо протестуем против преследования патриотического движения, поскольку убеждены: Россию невозможно вывести из кризиса без восстановления нашего национального самосознания и нашей исторической государственности. **В малых тиражах патриотической печати говорит голос предыдущих поколений, создавших Россию — он тоже должен быть услышан на выборах.** Только этот подлинный, религиозно углубленный патриотизм будет противоядием и против эксцессов патриотизма ложного. И только руководителям, сознающим этот исторический масштаб задачи, можно будет с чистой совестью оказывать поддержку — независимо от их демократических или авторитарных методов правления.

7 октября 1993 г.

В. Беляев (Сан Франциско, публицист), **Е. Вертлиб** (Германия, член американского ПЕН-клуба и Союза писателей России), **Т. Горичева** (Париж, бывш. деятельница религиозно-культурной оппозиции в СССР), **А. Катасонов** (представитель „Русского Вестника“ в Германии), **М. Назаров** (Мюнхен, член Союза писателей России), **С. Солдатов** (Франкфурт-на-М., бывш. политзаключенный, член Союза писателей России), **В. Фёфелов** (Франкфурт-на-М., бывш. участник оппозиционного движения в СССР, сотрудник международной правозащитной организации), **протоиерей Георгий Кобро** (Мюнхен). (Следуют подписи)

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

ПИСАТЕЛЬ И ПАПА

Нам пишут из Медона:

Говоря об отношении А. И. Солженицына к Ватикану, автор статьи в газете „Монд“ Мишель Татю, в частности, обратил внимание на выступление нобелевского лауреата во время приема, устроенного ему дирекцией одного из крупнейших французских издательств „Ашет“.

Автор статьи указал, что по отношению к Ватикану писатель высказался весьма холодно, обвинив римо-католическую Церковь в том, что она продвигает свои пешки против русской православной Церкви, ведет против нее настоящую „финансовую агрессию“.

„ЛЖЕДЕМОКРАТИЯ“

Нам пишут из Медона:

В беседе, которую транслировала передача французского телевидения „Варево культуры“ А. И. Солженицын подтвердил, что возвращается в Россию в мае с женой Натальей Дмитриевной, „а сыновья должны закончить свое образование, начатое в разных колледжах, их жизнь как раз на этом переломе, когда надо кончить образование и найти пути работы. Они уже были в России и будут снова приезжать. Я думаю, что постепенно их жизнь с Россией сплетется, но мы их принуждать к этому не будем, мы даем им полную свободу“.

На слова журналиста „трудно им будет, ведь корни остались там — в Соединенных Штатах“, писатель ответил: „Нет, вы знаете, несмотря на то, что они получили полностью американское образование, как раз сердечное чувство к России у всех у них есть. Так что сказать, что „корни в Америке“ — неправильно. Слово „корни“ не подходит. Сердечное чувство к России, как только они приезжают или касаются русского материала, — они все сразу ощущают биение сердца...“

На вопрос как он видит свою роль в хаосе сегодняшней России, А. И. Солженицын сказал: „...Я насытился за 18 лет в Вермонте одиночеством, одинокой писательской работой. Уже поэтому я не замкнусь... Я, конечно, не буду участвовать в избирательных кампаниях, баллотироваться на какой-либо пост и не приму никакого назначения от правительства какой бы мне ни предлагали. Но для меня, наконец, откроется возможность широкого общения с моими соотечественниками и возможного общественного участия в разных областях нашей жизни, которые все в тяжелом положении или в провале — в легком положении у нас сторон жизни нет“.

А. И. Солженицын сказал, что, вернувшись в Россию он будет „ездить по стране, выступать перед моими простыми соотечественниками, не какими-то специ-

ально избранными... Прессы я избегать не буду, однако, я должен сказать, что пресса сегодня в России отнюдь не независима; все главные органы, и телевидение тем более, находятся на дотации правительства, и они все не смеют говорить в полную силу, они должны считаться с тем, что получают дотации. Поскольку я не буду считаться ни с какими авторитетами, — я не связан ни с каким политическим движением, ни с какой политической партией, ни с каким политическим лицом — я буду говорить то, что я считаю полезным и нужным для России, не считаясь с тем, что сегодня этому нравится, а вот этому не нравится, а завтра наоборот. Не буду с этим считаться. Очень может быть, что меня начнут ограничивать в праве говорить. Я не удивлюсь, если мне ограничат доступ к телевидению, ограничат доступ к прессе...“

Писатель отметил затем, что „для молодого поколения коммунизм отходит в прошлое, и им трудно понять, что все сегодняшние невзгоды не от того, что происходит сегодня, а как последствие коммунизма. Не только им трудно понять! Это трудно понять и среднему населению среднего возраста, а еще больше старому, которое верило в коммунизм. Все считают, что стало жить очень плохо, и вот не хотят понять, что мы попали так плохо потому, что в семнадцатом году допустили коммунистов к власти, что мы расплачиваемся и еще будем расплачиваться все за то же, за прежнее... Говорят, что вот сегодня в России демократия. Россия сегодня демократическая. Я должен очень серьезно здесь поправить: если говорить в аспекте политическом, то в сегодняшней России — лжедемократия, псевдодемократия. А если говорить в национальном отношении, то у нас хуже того — антидемократия“.

ДРУЖИНА „КРЫМ“

Нам пишут из Севастополя:

По окончании „Курсов для вожаков“ в этом городе, по инициативе курсантов скаутов-разведчиков Второй Санкт-Петербургской дружины „Крым“ Организации Российских Юных Разведчиков в Св.Покровской церкви Севастополя была отслужена понихида по героям Белого Движения, чьи имена носят отряды дружины — по Верховному Правителю России адмиралу А. В. Колчаку и начальнику 3-й дивизии Добровольческой армии генерального штаба генерал-майору М. Г. Дроздовскому, а также по последнему командующему Русской Армией и основателю РОВСа генерал-лейтенанту, барону П. Н. Врангелю.

МОНАРХИЯ В КАМБОДЖЕ

Нам пишут из Пномпеня:

Учредительное Собрание Камбоджи, утвердив новую конституцию страны, тем самым закрепило переход от республиканской к монархической форме правления. Монархом избран принц Нородом Сиханук.